

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 32:316.77
doi: 10.17223/1998863X/66/16

ПОСТПОЛИТИЧЕСКИЕ ШТУДИИ И ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

Олег Александрович Верещагин¹, Наталья Евгеньевна Белова²,
Вера Анатольевна Колосова³

^{1,2,3} Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского, Арзамас, Россия

¹ helgardt@mail.ru

² belovane@yandex.ru

³ vakolosova@gmail.com

Аннотация. Представлена критическая аналитика современной политической онтологии, гносеологии и аксиологии в контексте формирующихся мировоззренческих и ментальных вызовов информационной эпохи. Феномен информационной избыточности оказывается релевантной и комплементарной характеристикой в тех интеллектуальных практиках, которые пытаются дать теоретическое обоснование нынешних тенденций деонтологизации и десакрализации политики.

Ключевые слова: виртуализация, десакрализация, информатизация, медиатизация, политическая онтология, постполитика

Для цитирования: Верещагин О.А., Белова Н.Е., Колосова В.А. Постполитические студии и феномен информационной избыточности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 179–189. doi: 10.17223/1998863X/66/16

POLITICAL SCIENCE

Original article

POST-POLITICAL STUDIES AND THE PHENOMENON OF INFORMATION REDUNDANCY

Oleg A. Vereshchagin¹, Natalya E. Belova², Vera A. Kolosova³

^{1,2,3} Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas, Russian Federation

¹ helgardt@mail.ru

² belovane@yandex.ru

³ vakolosova@gmail.com

Abstract. The paper combines several research logics and strategies. First of all, the thesis about forming the mental and ideological foundations of the information and communication paradigm in the modern public consciousness is justified. This research matrix has acquired

an original ideological and epistemological status in the conceptual space of those social philosophic and sociological theories that contain the reflection of qualitative transformations in societal practices and structures of producing social knowledge under the conditions of informatization. According to the authors, the current “post-political agenda” (deontologization being desacralization and profanization of the political) is based on information failures and overloads in political communication systems. The de-hierarchical plural environment of Internet communications provokes the proliferation of information flows, generates quasi-events and toxic information flows, filling gaps in public relations morphology with political phantasms and simulacra. As the analysis shows, the exponential growth of information does not have a positive correlation among the acts of effective interpretation. The amount of information, including social-and-political, is really becoming larger and larger while there are fewer ways and forms of its decryption. The long-term trend and a natural result of the mediatization and virtualization of public policy consists in its “simulacration”. The profile of “simulation representation” and the politician’s authority and popularity level are mutually interfaced. The “virtual social capital”, reified in the quantitative parameters of watchability, readability and recitation, becomes a universal measure and a criterion of the social significance of all active actors in political life. The general devaluation and profanization of the political axiosphere, its deliberate declarativeness and fundamental irrelevance to the current post-democratic trends in politics, economics and public life, as it seems, provoke and aggravate further fragmentation and disintegration in the systems of social interaction and communication. The author’s position is revealed in a number of theoretical propositions regarding the impossibility of reducing any generally significant (universal) bases in the construction of authentic images of social reality in the information and communication paradigm.

Keywords: virtualization; desacralization; informatization; mediatization; political ontology; post-politics

For citation: Vereshchagin, O.A., Belova, N.E. & Kolosova, V.A. (2022) Post-political studies and the phenomenon of information redundancy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 179–189. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/

Череда переворотов и трансформаций в гуманитарной культуре Запада (феноменологический, текстуалистский, лингвистический, семиотический и т.п.) продолжается, и указанный процесс, как нам представляется, достигает некоего предела в развитии и самораскрытии своих интеллектуальных интенций и творческих интуиций. Если принять максимум о перерастании лингвистической революции в революцию информационно-коммуникационную, лингвоцентризма [1] в информационизм [2] в роли идеологического обоснования новой социоментальной реальности, то это действительно предел, за которым контуры и очертания вменяемой («воплощенной») социальной картины мира оказываются под вопросом. Информация, понимаемая как сведения о «лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [3], в ситуации нынешнего катастрофического и неконтролируемого разрастания («триумф информации», «апогей информационной открытости») перестает отвечать такому неперемennomу и обязательному условию, как возможность адекватной переработки и осмысления.

В указанной связи выскажем достаточно спорное предположение относительно невозможности в информационно-коммуникативной парадигме редукции сколько-нибудь общезначимых (универсальных) оснований в построении аутентичных образов социальной реальности.

Любая социальная практика конституируется и генерируется недостаточностью информации, «пробелами в осведомленности», а не переизбытком и заинформированностью, которые создают пелену и завесу «общих мест» и

самоочевидностей в исследуемом предметном кластере. Парадоксально, но сегодняшним социальным мирам в большей степени угрожает не информационная недостаточность и закрытость, а информационная открытость и избыточность. Мы имеем дело с экспоненциальным ростом количества и объемов информации или с «энтропией информационного пространства» [4. С. 115]; ею, собственно говоря, и завершается «нарастание абстрактности духовного освоения человеком мира по линии восхождения от „поэмы к математике“: мифология-онтология-гносеология-эпистемология-когнитология» [5. С. 25].

Обретение когнитологией статуса метанауки или метапарадигмы, в рамках которой остается лишь способность редуцированности мышления «как видоспецифичного, опосредованного культурой средства или инструмента информационного контроля» [6. С. 11], меняет статус-кво в системе наших общих представлений о соотношении знания и реальности, «слов и вещей», референта и репрезентации. Субстанцией мира теперь становится информация, как нечто более фундаментальное и первичное, поэтому не она «отражает и копирует мир, а мир является ее отражением и кодом» [5. С. 40].

Неконтролируемая экспансия информации приводит к информационным перегрузкам [7] на всех уровнях функционирования современной социальной системы, вплоть до содержательно-процессуальных характеристик акта элементарного социального взаимодействия. Предлагаемые сегодня масштабы и интенсивность коммуницирования провоцируют «хаос в индивидуальных картинах мира, распад знакомых образов и себя, и общества, и природной реальности» [7. С. 4]. Происходит своего рода «заражение» индивидуального от социального», в ситуации, когда само «социальное», не выдержав последствий информационного взрыва, стремительно фрагментируется, индивидуализируется и перевоссоздается вновь. Так называемое индивидуализированное общество [8] – это тип социальности, который характеризуется частичной или полной утратой человеком контроля над наиболее значимыми социальными процессами, высокой долей неопределенности и, как следствие, приходом новой «краткосрочной ментальности на смену долгосрочной» [8. С. 29].

Как нам представляется, господство краткосрочной ментальности есть результат того интеллектуального запаздывания и отставания за событиями, происходящими в истории человечества, которое ряд исследователей уже успело поименовать «фундаментальной инфляцией sapientia» [9].

Рост информации не имеет положительной корреляции в актах эффективной интерпретации. Информации, в том числе общественно-политической информации, действительно становится все больше, а способов и форм ее дешифровки – все меньше. В акте поспирания границ, в стратегии «пересечения рвов и засыпания границ» [10] мы оказываемся тотально заинформированы и просвещены элементарной событийностью, оставаясь одновременно критически неосведомленными относительно глубинной сути происходящего.

Собственно говоря, в нынешнем социоментальном контексте, способности установления дистинкции «поверхности и глубины», разграничения реальности и симулякра, обособления оригинала и копии существенно проблематизированы.

Принципиально и подчас безапелляционно актуализирована лишь такая способность социальных институций, прежде всего массмедиа, как производство и обоснование «трансцендентальных иллюзий», более или менее реле-

вантных и когерентных современным практикам наблюдения и восприятия. Согласно Н. Луману, «массмедиа – как наблюдающие системы – вынуждены проводить различие между самореференцией и инореференцией <...> они должны конструировать какую-то реальность, а именно, еще одну реальность, отличную от них самих» [11. С. 14].

Массмедиа (их можно понимать и интерпретировать максимально широко) ежечасно и ежедневно конструируют и воссоздают социальную реальность, реальность деонтологизированную, развоплощенную («перевоплощенную») в медийных образах. Сама эта реальность лишена какой-либо онтологической глубины или метафизической высоты, представляя собой лишь «внутренний коррелят системных операций» [11. С. 16] по наделению и приданию смысла текущей событийности. Таким образом, лишь констатируется и постулируется свершившийся факт медиатизации социального [12] во всех его семантических проекциях и измерениях.

В более умеренной интерпретации, а также с учетом продолжающихся в социальной теории дебатов по содержательной определенности и семантике концепта «медиатизации», можно говорить о принятии посреднической, а иногда и ведущей роли медиа в социальных процессах, об осознании того, что «социальные изменения в определенных (или во всех) областях общества были сформированы средствами массовой информации» [13. Р. 704].

Итак, по нашему мнению, медиатизацию следует адекватно воспринять как непреложный факт социальной реальности и рефлексивно проанализировать как весьма неоднозначный и противоречивый факт той же самой социальной реальности. Как нам представляется, возможно и необходимо подвергнуть обоснованному сомнению сами операциональные и иные когнитивные возможности медийных структур в сфере «sensemaking», а также усомниться как в адекватности воспроизводимых ими «образов реального», так и в степени самостоятельности и автономности самой медийной сферы от других сфер и полей социальной коммуникации. На это важное обстоятельство обращает внимание Луман, говоря о смещении фокуса наблюдения или модуса рефлексии в плоскость «наблюдения второго порядка», когда «общество, передающее свое самонаблюдение в ведение функциональной системы массмедиа, принимает такой способ наблюдения в модусе наблюдения наблюдателей» [11. С. 134].

В первую очередь и прежде всего медиатизация охватывает поля взаимодействия и сферы коммуникации в политической среде как наиболее фундированной повседневной событийностью и квазисобытийностью, эксплуатирующей разного рода стереотипы, мифологизации, симуляции и мистификации. Особенно очевидной эта взаимосвязь и взаимообусловленность медиа и политики становится в современном информационном обществе, обществе информационной плюральности и открытой манипулятивности [14]. Как неоднократно подчеркивал Бурдье, поле журналистики, в силу возрастания своей гетерономности, т.е. возрастания своей вовлеченности и связанности с процессами политико-экономической жизни, с одной стороны, «все больше и больше навязывает свои требования всем остальным и, особенно, полям культурного производства, полю социальных наук, философии и т.п., а также полю политики» [15. С. 130] – с другой стороны. Теряя свою реальную автономность и независимость, «поле журналистики», будучи мак-

симально интегрированным в те или иные социальные институты, начинает парадоксально, но предсказуемо подрывать самостоятельность и суверенность самих этих социальных учреждений. В этом смысле можно и нужно специально говорить о политизации медийности и медиатизации политики, когда «триумф информации убивает политическое сознание масс, сон политического разума рождает политических чудовищ» [16. С. 21].

Современные массмедиа все чаще используются «не как форма социальной рефлексии и практика усовершенствования социальной действительности, а как универсальная технология влияния на общественное сознание и поведение аудитории» [17. С. 134].

С точки зрения дискурсивного подхода, взаимодействие медийного и политического полей раскрывается с помощью понятий «политический медиадискурс» и «символическая политика». Политический медиадискурс трактуется как инструмент создания виртуальной политической реальности, один из ресурсов власти и способов ее легитимации, а суть медиатизации политики усматривается в перемещении политической жизни в символическое пространство средств массовой информации [18. С. 29]. Реальное политическое действие подменяется его имитацией в медийном поле – исключительно медийным конструктом политической реальности [19. С. 15]. В этом контексте феномен легитимности власти рассматривается как такой же конструкт, создаваемый в пространстве политического дискурса, а теоретическая модель легитимности тесно увязывается с дискурсивным полем [20. С. 10].

В рамках гипотезы перехода общества от информационной парадигмы к парадигме коммуникационной, отечественный политолог С.В. Володенков приходит к выводу, что коммуникация «становится принципиально важным условием осуществления любых процессов в сфере публичной политики» [21. С. 290]. Формируемая средствами интернет-коммуникации медиареальность в значительной степени состоит из искусственных симулякров, не имеющих своих прототипов в действительности. В итоге медиатизация и виртуализация публичной политики приводят к ее «симулякризации» [21. С. 296], когда политическая событийность оказывается скреплена химерическими образами и сформирована действиями фантомных персонажей и симулятивных агентов.

В конкурентной борьбе политических медиадискурсов победа достается тем силам, которые «утверждают в качестве доминирующих собственные медиаверсии событий и собственные медиаобразы их участников» [22. С. 68].

В системе массовых политических коммуникаций в настоящее время особую роль играют социальные сети и интернет-сообщества. Присущие их участникам горизонтальные информационно-коммуникационные взаимодействия способны создавать собственный информационный контент и собственные модели политической реальности, а также отличное от формируемого политтехнологами отношение к тем или иным политическим лидерам, явлениям и процессам [21. С. 299–300]. Более того, значительный мобилизационный потенциал сетевых технологий позволяет рассматривать их в качестве «инструмента формирования новой политической субъектности» и «движущей силы социальных и иных революций» [22. С. 74].

Анализ текстуальных аспектов политики проводится в исследованиях политического конструирования реальности. Власть, рассматриваемая в ка-

честве конструктора политической реальности, задает интерпретационные фреймы, формирует представление о самой себе, рedefiniрует реальность и конструирует социально привлекательный образ будущего. В основе текста политически конструируемого будущего лежит мифосхема «хаос–космос» – движение от состояния беспорядка и близости к гибели к спасению и возрождению к новой жизни [23. С. 285–287].

Взаимодействие массмедиа и политических институтов «превращает политику в символический идеологический конструкт», в котором особо важную роль начинают играть разного рода политические церемонии и шоу, символические фигуры и мифологические образы [24. С. 105]. В качестве типичных виртуальных конструкций, создаваемых в медийном поле публичной политики, могут рассматриваться политические имиджи и бренды. Чем привлекательнее такие образы, тем они успешнее и тем дороже ценятся на рынке политических коммуникаций. «Население демократических стран... больше не формирует реальные демократические институты, а выбирает одну из предложенных на политическом рынке виртуальных моделей» демократии [25. С. 69].

Важнейшим ресурсом «симуляционной» стратегии власти и «символической политики» в целом становится эксплуатация образов «актуального прошлого». Правящая элита «предпочитает не касаться „трудного прошлого“ и стремится, насколько это возможно, избегать определенности в оценках тех исторических событий, процессов и фигур, которые вызывают горячие споры в обществе» [26. С. 126–127].

Нынешняя профанизация и демагогизация политики являются одновременно и общим мировоззренческим трендом, и важнейшим инструментом манипулирования коллективным сознанием. В качестве инструментально-технологического средства «цифровая демагогия» упраздняет каноны политической коммуникации, девальвирует стилистические и языковые нормы политики, провоцирует кризис «доверия не просто к фигурам отдельных политиков, но и к институтам власти, СМИ, дискредитирует политическую информацию в целом» [27. С. 43–44].

В указанной связи необходимо специально выделить технологизацию и алгоритмизацию форм и методов осуществления виртуальной публичной политики, основанной на конструировании имитационных политических институтов и процессов, воспроизводстве искусственно создаваемых образов [28. С. 10–11]. Отмечая расширение возможностей для манипулирования общественным мнением и управления политической активностью в условиях формирования «культуры политического развлечения», отечественный политолог А.И. Соловьев вместе с тем полагает, что стереотипы развлекательной культуры «популяризируют нормы политического участия, сокращая дистанцию между человеком и властью», а свойственный ей стиль современного информирования и коммуникации дает «современным поколениям возможность адаптироваться к политическим трансформациям» и формирует основы политической культуры будущего с характерным для нее оптимистичным, но более упрощенным взглядом на политику [29. С. 8–9].

Описываемые трансформации в сфере политического, будь то «медиатизация» политики, и коррелятивные ей категории «виртуализации», «деонтологизации» политической сферы, не имеют пока общепринятого и общезна-

чимого денотата. Есть попытки охарактеризовать современное состояние политосферы как некую прогнозируемую смерть («смерть политики») или постполитику. По утверждению А. Дугина, постполитика приходит на смену традиционной политике «через пролиферацию гносеосимуляционных потоков, через наращивание интенсивности, жара и объема информации» [30. С. 644], т.е. посредством зримой утраты государством контроля над производством и обоснованием как социальной информации, так и механизмов и инструментов воспроизводства символической власти в целом.

Указанная дисфункциональность государства и аффилированных с ним публично-правовых институций ожидаемо влечет за собой сбои в практиках формирования легитимной социальной идентичности. Как неоднократно подчеркивал Бурдье, традиционные представления о государстве как производителе инструментов построения социальной реальности позволяли ему «насаждать когнитивные и оценочные структуры», а «значит и учреждать консенсус о смысле мира» [31. С. 326], т.е., собственно говоря, регулировать и координировать не только и не столько физические действия граждан, сколько определять степень лояльности и конформности их когнитивного поведения. Однако в постполитическом состоянии, когда происходит «информатизация как парадигмальный переход политики в информационное русло» [9], все нити контроля переходят в руки медиакратии, которая сама по себе является символом оторванности и отстраненности современного политического инфобытия от реальности и от тех смысловых коррелятов (бытийное, сакральное, субстанциальное, метафизическое и т.п.), которые ее фактически олицетворяли.

Напомним, что в канонической версии теории информации предполагалось, что информация «как устраненная неопределенность» снижает стохастичность системы и «позволяет сделать правильный выбор из нескольких вариантов... нарушает равновесие системы и уменьшает энтропию... заставляет систему работать, вызывает в ней изменения» [32. С. 9]. Однако то, что мы наблюдаем в реальности, заставляет нас усомниться в действенности и эффективности существующих методов и способов генерирования, обработки и передачи информации, которая все больше выходит из-под контроля, приводя к зримым и осязаемым информационным перегрузкам в системах социальной коммуникации.

Сегодняшняя информационная свобода, информационная открытость и демократичность, как правило, оборачиваются лишь ростом популизма и соразмерным понижением общего уровня политической культуры. Поэтому если на семантической поверхности, в нескончаемой череде инфоповодов и ощущается некий динамизм и изменчивость, в действительности же имеет место «стагнация в деградации», нескончаемая неопределенная рециркуляция отживших политических форм и структур.

То, что мы наблюдаем в политической сфере, можно было бы назвать заключительной фазой «десакрализации» политического, девальвацией всех ее ценностных регулятивов и принципов в обмирщенной и «демократизированной» информационной среде. Неминуемая угроза распада и всеобщей дезинтеграции социального будет предполагаемым исходом нынешней общественно-политической драмы. Единственным же эффективным средством преодоления и выхода из нее, как нам представляется, может стать частичная

ресаκραлизация политико-духовной жизни общества, когда базовые и фундаментальные принципы воспринимаются не в качестве конвенционального компромисса в политической игре, а в формате «политического а priori» универсальных ценностей и норм. Таким образом, можно просто говорить о возрождении коллективной веры в государство, которое по своим онтополитическим чертам и характеристикам всегда представляло собой «иллюзорную, но коллективно подкрепляемую консенсусом реалию» [31. С. 62], реалию, которая была явлена общественному сознанию изначально как «теологическая сущность, т.е. то, что существует благодаря вере» [31. С. 63].

Список источников

1. *The linguistic turn. Recent essays in philosophical method* / ed. by R.M. Rorty. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1992. 407 p.
2. *Webster F. Theories of the Information Society*. 4th ed. Oxford : Routledge, 2014. 416 p.
3. *Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 16.08.2021).
4. *Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования*. 2005. № 5 (253). С. 114–121.
5. *Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция*. СПб. : Алетейя, 2015. 312 с.
6. *Меркулов И.П. Когнитивные способности*. М. : Ин-т философии РАН, 2005. 179 с.
7. *Игнатъев В.И. Информационная перегрузка социальной системы и ее социальные последствия // Социологические исследования*. 2017. № 7. С. 3–12.
8. *Бауман З. Индивидуализированное общество*. М. : Логос, 2005. 390 с.
9. *Дугин А. Чем больше мы знаем, тем меньше понимаем*. URL: https://zavtra.ru/blogs/chem_bol_she_mi_znaem_tem_men_she_ponimaem (дата обращения: 16.08.2021).
10. *Фидлер Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса*. М. : Мысль, 1993. С. 462–518.
11. *Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского*. М. : Праксис, 2005. 256 с.
12. *Asp K. Mediatization: Rethinking the Question of Media Power // Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science*. Vol. 21. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 349–373.
13. *Livingstone S., Lunt P. Mediatization: an emerging paradigm for media and communication studies // Mediatization of Communication* / ed. K. Lundby. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 703–724.
14. *Маслова А.А. Политическое манипулирование в информационном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 7, ч. 2. С. 103–105.
15. *Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой ; отв. ред., предисл. Н. Шматко*. М. : Фонд науч. исследований «Прагматика культуры», Ин-т эксперим. социологии, 2002. 160 с.
16. *Щипков А.А. Феномен лингвополитического и реальная политика // Армия и общество*. 2014. № 6 (43). С. 18–21.
17. *Лабуш Н.С., Пуя А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм*. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2019. 340 с.
18. *Засурский И.И. Масс-медиа второй республики*. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. 272 с.
19. *Воинова Е.А. Медиатизация политики как феномен новой информационной культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 2006. 24 с.
20. *Воробьева Ю.И. Политический медиадискурс и легитимность власти : автореф. дис. ... канд. полит. наук*. М., 2013. 26 с.
21. *Володенков С.В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука*. 2017. Спецвыпуск. С. 290–305.
22. *Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–77.

23. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299.
24. Пименов Н.П. Концепты новых форм политической коммуникации в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 105–111.
25. Володенков С.В. Особенности виртуализации современной публичной политики в России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2011. № 4. С. 68–74.
26. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 114–130.
27. Агрба Л.А. Цифровая демагогия, или Политический дискурс нового времени // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 38–48.
28. Аюпов М. Политический процесс в современной России: реальная политика или эффективные PR-технологии // Власть. 2010. № 12. С. 10–13.
29. Соловьев А.И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 6–17.
30. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское Движение, 2009. 744 с.
31. Бурдьё П. О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и П. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
32. Быков А.Ю. К вопросу о понятии «информация» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2 (57). С. 6–10.

References

1. Rorty, R.M. (1992) *The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
2. Webster, F. (2014) *Theories of the Information Society*. 4th ed. Oxford: Routledge.
3. Russia. (2006) *Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies and Information Protection" (with amendments and additions)]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/12148555/> (Accessed: 16th August 2021).
4. Elyakov, A.D. (2005) Informatsionnaya peregruzka lyudey [Information overload of people]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5(253). pp. 114–121.
5. Kutuyev, V.A. (2015) *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kiss. Human Being as Tradition]. St. Petersburg: Aleteyya.
6. Merkulov, I.P. (2005) *Kognitivnye sposobnosti* [Cognitive Abilities]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
7. Ignatiev, V.I. (2017) Informatsionnaya peregruzka sotsial'noy sistemy i ee sotsial'nye posledstviya [Information overload of the social system and its social consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 3–12.
8. Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos.
9. Dugin, A. (n.d.) *Chem bol'she my znaem, tem men'she ponimaem* [The more we know, the less we understand]. [Online] Available from: https://zavtra.ru/blogs/chem_bol_she_mi_znaem_tem_men_she_ponimaem (Accessed: 16th August 2021).
10. Fidler, L. (1993) *Peresekayte rvy, zasypayte granitsy* [Cross the ditches, fill in the borders]. In: *Sovremennaya zapadnaya kul'turologiya: samoubiystvo diskursa* [Modern Western Cultural Studies: The Suicide of Discourse]. Moscow: Mysl'. pp. 462–518.
11. Luhman, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of mass media]. Translated from German by A.Yu. Antonovsky. Moscow: Praxis.
12. Asp, K. (2014) Mediatization: Rethinking the Question of Media Power. In: *Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science*. Vol. 21. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 349–373.
13. Livingstone, S. & Lunt, P. (2014) Mediatization: an emerging paradigm for media and communication studies. In: Lundby, K. (ed.) *Mediatization of Communication*. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 703–724.

14. Maslova, A.A. (2015) Political manipulation in informational society. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 7(2). pp. 103–105. (In Russian).
15. Bourdieu, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Translated from French by T. Anisimova, Yu. Markova. Moscow: Pragmatika kul'tury, Institute for Experimental Sociology.
16. Shchipkov, A.A. (2014) Fenomen lingvopoliticheskogo i real'naya politika [The Phenomenon of Linguopolitical and Real Politics]. *Armiya i obshchestvo.* 6(43). pp. 18–21.
17. Labush, N.S. & Puyu, A.S. (2019) *Mediatizatsiya ekstremal'nykh form politicheskogo protsessa: voyna, revolyutsiya, terrorizm* [Mediatization of extreme forms of the political process: war, revolution, terrorism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
18. Zasursky, I.I. (1999) *Mass-media Vtoroy respubliki* [Mass media of the Second Republic]. Moscow: Moscow State University.
19. Voinova, E.A. (2006) *Mediatizatsiya politiki kak fenomen novoy informatsionnoy kul'tury* [Mediatization of politics as a phenomenon of a new information culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
20. Vorobieva, Yu.I. (2013) *Politicheskiy mediadiskurs i legitimost' vlasti* [Political media discourse and the legitimacy of power]. Abstract of Politology Cand. Diss. Moscow.
21. Volodenkov, S.V. (2017) Sotsial'nye media kak instrument sovremennoy publichnoy politiki: osobennosti i perspektivy primeneniya [Social media as an instrument of modern public policy: features and prospects of application]. In: Artamonova, Yu.D., Demchuk, A.L. & Osadchenko, Z.N. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. Special Issue. Moscow: Agentstvo nauchnykh izdaniy. pp. 290–305.
22. Rusakova, O.F. & Gribovod, E.G. (2014) Politicheskiy mediadiskurs i mediatizatsiya politiki kak kontsepty politicheskoy kommunikativistiki [Political media discourse and mediatization of politics as concepts of political communication studies]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk.* 14(4). pp. 65–77.
23. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2020) Political Construction of the Image of the Future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 56. pp. 285–299. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/56/25
24. Pimenov, N.P. (2015) Kontsepty novykh form politicheskoy kommunikatsii v sovremennoy Rossii [Concepts of new forms of political communication in modern Russia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”.* 11. pp. 105–111.
25. Volodenkov, S.V. (2011) Osobennosti virtualizatsii sovremennoy publichnoy politiki v Rossii [Virtualization of modern public policy in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science.* 4. pp. 68–74.
26. Malinova, O.Yu. (2013) The Problem of Politically Suitable Past and Evolution of Official Symbolic Politics in the Post-Soviet Russia. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy – The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research.* 1. pp. 114–130. (In Russian).
27. Agrba, L.A. (2019) Tsifrovaya demagogiya, ili Politicheskiy diskurs novogo vremeni [Digital Demagogy, or Political Discourse of the New Time]. *Politicheskaya lingvistika.* 2(74). pp. 38–48.
28. Ayupov, M. (2010) Politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii: real'naya politika ili effektivnye PR-tehnologii [Political process in modern Russia: real politics or effective PR-technologies]. *Vlast' – The Authority.* 12. pp. 10–13.
29. Soloviev, A.I. (2002) Kommunikatsiya i kul'tura: protivorechiya polya politiki [Communication and culture: contradictions in the field of politics]. *Polis. Po-liticheskie issledovaniya – Polis. Political Studies.* 6. pp. 6–17.
30. Dugin, A. (2009) *Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli* [Postphilosophy. Three Paradigms in the History of Thought]. Moscow: Evraziyskoe Dvizhenie.
31. Bourdieu, P. (2016) *O gosudarstve: Kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [On the State: Lectures at the College de France (1989–1992)]. Translated from French by D. Kralechkin, P. Kushnareva. Moscow: Delo, RANEPА.
32. Bykov, A.Yu. (2006) K voprosu o ponyatii “informatsiya” [On the concept of “information”]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki.* 2(57). pp. 6–10.

Сведения об авторах:

Верещагин О.А. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: helgardt@mail.ru

Белова Н.Е. – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: belovane@yandex.ru

Колосова В.А. – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: vakolosova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vereshchagin O.A. – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas, Russian Federation). E-mail: helgardt@mail.ru

Belova N.E. – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas, Russian Federation). E-mail: belovane@yandex.ru

Kolosova V.A. – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas, Russian Federation). E-mail: vakolosova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 22.10.2021;
approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*